

Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США

Данная статья посвящена отдельным эпизодам жизни уникального по своим талантам и многогранности деятельности Эмилия Диллона, англичанина, многие годы прожившего в России и считавшего ее своей второй родиной. Диллон был ученым-ориенталистом, полиглотом, журналистом, писателем, который всегда оказывался в самый интересный момент во многих «горячих точках» мира на рубеже XIX–XX вв., получив в конце жизни в Великобритании звание академика. Он был первым переводчиком на английский язык «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого, с которым поддерживал деловые и дружеские отношения. Попав в Россию еще в 1877 г., он покинул ее только в 1917 г. Получив образование во Франции, Германии и России, он стал уникальным человеком, чьи таланты с успехом использовали разведки многих стран. Период преподавания в Харьковском университете был кратким, и после получения должности корреспондента лучшей в то время английской газеты *The Daily Telegraph* в Санкт-Петербурге началась его яркая карьера журналиста, выполнявшего самые невероятные поручения английского, российского и, возможно, других правительств и государственных лиц. С. Ю. Витте неслучайно называл его верным человеком и «первым среди публицистов своего времени»¹. Находки в архиве библиотеки Стэнфордского университета позволили раскрыть его тайную миссию на восставшем в 1897 г. Крите, где он вместе с еще двумя военными корреспондентами из Англии выполнял поручения командиров международной эскадры четырех держав — покровительниц Греции — Англии, России, Франции и Италии, оккупировавшей остров. Его корреспонденции и заметки дают уникальную картину взаимоотношений на Крите двух непримиримых сторон — инсургентов (христиан) и мусульман. Архив Диллона в США богат и другими материалами, которые могут быть интересны и исследователям-славистам. Ключевые слова: Э. Диллон, учеба и преподавание в России, корреспондент «*The Daily Telegraph*», восстание на Крите 1897 г., миссия Диллона на Крите, личный архив в США.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.03

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 414.

В библиотеке частного Университета в Стэнфорде в разделе Особые коллекции хранится обширный архив академика Эмилия Диллона (1854–1933 гг.)², удивительного человека, выдающегося ученого-лингвиста, журналиста и писателя, многие годы прожившего в России и считавшего ее второй родиной. Наиболее емкая цитата о нем имеется в «Воспоминаниях» крупного политического деятеля России, министра финансов графа С. Ю. Витте³. Э. Диллон сопровождал С. Ю. Витте в его поездке в Америку на пароходе в июле 1905 г., после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., куда Витте направлялся для обсуждения условий будущего мира с Японией при посредничестве американцев. Витте высоко отзывался об Эмилии Диллоне. Он писал, что из сопровождавших его иностранных корреспондентов выделялся «доктор русского университета, англичанин, весьма порядочный и верный человек, очень талантливый, пользующийся большой известностью в Англии и Америке, публицист Диллон. Он, как бывший профессор сравнительного языковедения в Харьковском университете, хорошо говорит и пишет по-русски, отлично знает Россию и в особенности современное состояние, имея связи со всеми партиями и слоями общества». Министр также указывал: «Что касается Европы, то в сущности Диллон и Гедеман (корреспондент *Matin*. — О. С.) дирижировали все сообщения в европейскую печать»⁴. Любопытный факт, отмеченный Витте в его воспоминаниях: «Из середины океана было дано Диллоном по воздушному телеграфу его интервью со мной по поводу предстоящих моих переговоров. Это было первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана. Интервью это, где я высказывал мой образ действий, затем было, конечно, напечатано во всех европейских газетах, и оно определило, как я смотрю на дальневосточную мою задачу»⁵.

Эмилий Диллон, или Эмилий Михайлович, как называли его в России, являлся, без преувеличения, выдающейся, многогранной личностью. Он был ученым-ориенталистом, полиглотом, журналистом, писателем, который всегда оказывался в самый интересный момент во многих «горячих точках» мира на рубеже XIX–XX вв., получив в конце жизни звание академика.

2 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

3 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 414–415.

4 Там же. С. 412–413.

5 Там же. С. 416.

Несмотря на все это, Э. Диллон до сих пор не заслужил достойной его биографии книги или монографического описания. Поэтому приходится по крупицам собирать данные о его жизни, пользоваться краткими справками в библиографических и энциклопедических словарях, например в самом крупном энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданном в Санкт-Петербурге в 1890–1907 гг. Эмилий Джозеф Диллон родился 9 (21) марта 1854 г. в Дублине. Родители дали ему классическое образование, надеясь, что сын станет католическим священником. Но у мальчика рано обнаружились необыкновенные лингвистические способности, которые развивались по мере его обучения в Англии, затем во Франции, где он слушал лекции в *College de France*, после в Тюбингенском и Лейпцигском университетах, где занимался философией и сравнительной филологией. Круг интересов молодого ирландца был весьма широк: он изучал литературу, древние, классические, современные европейские и восточные языки (общее число их — 26), историю философии и религии, делал первые шаги в области сравнительного языкознания. Широкая эрудиция и талант к языкам открывали перед ним широкий выбор профессий в будущем.

В Россию Диллон попал, как пишут, по личному приглашению (однако выяснить, от кого он его получил, пока не удалось) еще в 1877 г., как раз накануне Русско-турецкой войны, и поселился в Одессе, самом многонациональном портовом городе. В 1880–1881 гг. на русском языке в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Одесских новостях» и «Одесском вестнике» были опубликованы его статьи и рассказы, которые были замечены читающей публикой. В 1880 г. Э. Диллон выдержал экзамен на магистра восточных языков в Санкт-Петербургском университете. В том же году Диллон опубликовал большую рецензию на первые два выпуска «Всеобщей истории литературы» под редакцией В. Ф. Корша⁶, где подробно проанализировал ошибки русских и немецких ученых, касающиеся литературы древнего Востока. Диллон имел смелость выступить в защиту русского гениального химика Д. И. Менделеева, которого в ноябре 1880 г. забаллотировали на выборах в Российской Императорскую академию наук. Он интересовался студенческими волнениями, а полиция начала интересоваться его университетскими знакомствами. Впоследствии Э. Диллон считал, что именно это привело к тому, что

6 Всеобщая история литературы: В 4 т. / под ред. В. Ф. Корша, А. Кирпичникова. СПб., 1880–1892.

в мае 1881 г. двери Санкт-Петербургского университета вдруг неожиданно закрылись для него. Однако выход вскоре нашелся, факультет восточных языков был еще и в Харькове. Судьба благоволила этому целеустремленному человеку. Перейдя на филологический факультет Харьковского университета, Эмилий Михайлович в 1883 г. защитил магистерскую диссертацию по сравнительному языкознанию, а в 1884 г. — докторскую и был назначен экстраординарным профессором. Диллон стал автором многих ученых сочинений по языкознанию, истории религий, критических и литературных статей на русском, английском, немецком и французском языках⁷.

Однако в Харьковском университете, хотя его и избрали в экстраординарные профессора, он не был утвержден министерством и только исполнял обязанности профессора (по временно вакантной должности) на кафедре сравнительного языкознания (с августа 1884 г. по январь 1887 г.). Не получив полноценной должности, Диллон подал прошение об отставке и перебрался вновь в Одессу. Так закончилась его педагогическая деятельность и началась яркая карьера журналиста, выполнявшего самые невероятные поручения английского, российского и, возможно, других правительств и государственных лиц. С. Ю. Витте не случайно называл его верным человеком и «первым среди публицистов своего времени»⁸. С годами Э. Диллон станет «полуофициальным послом» мира, а возможно, и агентом сразу нескольких разведок, но прежде всего — английской.

Его статьи, печатавшиеся в июле 1887 — феврале 1888 г. в газетах «Одесские новости» и «Одесский вестник», были замечены не только в России, но и в Англии, и вскоре Диллон получил предложение от ведущей лондонской газеты *The Daily Telegraph* (а затем и журнала *Contemporary Review*) стать ее специальным корреспондентом в Санкт-Петербурге, куда он немедленно перебрался.

С этого времени он, как английский корреспондент ведущей газеты, в совершенстве владеющий русским языком, находился в центре

⁷ Следует назвать, к примеру, статьи Э. Диллона «Michael Katkoff» (*Contemporary Review*, 1887 г.), «Russian Orthodoxy and Russian Sects» (*American Catholic Quarterly Review*, 1890 г.), «Mickiewicz, the National Poet of Poland» (*Fortnightly Review*, 1890 г.). Ему принадлежит книга «Дуализм в Авесте» (*Диллон Э. Дуализм в Авесте*. СПб., 1881), а также статья «История скандинавской литературы в средние века» во «Всеобщей истории литературы» (*Всеобщая история литературы*. Т. 2) и др.

⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 414.

всех важнейших политических, культурных, общественно-исторических событий России. Среди его новых русских знакомых оказались известные писатели, художники, композиторы, политические деятели. В числе близких друзей были В. С. Соловьев и Н. С. Лесков.

В западной, особенно английской, историографии имя Эмилия Диллона до сих пор представляет интерес лишь благодаря его близкому знакомству с великим русским писателем и мыслителем Л. Н. Толстым. Диллон, который произвел хорошее впечатление на Льва Николаевича, стал одним из первых переводчиков опубликованной в Англии, но запрещенной тогда в России повести «Крейцера соната», которая имела колоссальный успех. Затем случилась шумная история, связанная с публикацией за границей статьи Толстого «О голоде». Находясь в России, Эмилий Михайлович не раз посещал Ясную Поляну и брал интервью у Льва Николаевича, который поставил ему условие не публиковать эти материалы при его жизни. Диллон сдержал слово, и книга «Граф Лев Толстой. Новый портрет» впервые вышла в Лондоне только в 1934 г.⁹ Но он сам уже не дождался выхода тиража. Книга Э. Диллона, а также его статьи о Л. Н. Толстом, а позже и о России, которую он наблюдал в революционные 1905–1906 и 1917 гг., не были переведены на русский язык, скорее всего из-за его неприятия нового строя в России. Исключением стала одна небольшая глава из его книги, опубликованная в сборнике «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников»¹⁰. А между тем это уникальный труд, поскольку сам Диллон в те годы искренне разделял толстовские идеи. В 1972 г. в Нью-Йорке книга Э. Диллона была переиздана и теперь вполне доступна для исследователей. Об этом поведала молодая исследовательница А. Ю. Кунгурцева в работе «Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении»¹¹.

9 *Dillon E. J. Count Leo Tolstoy. A New Portrait.* New York, 1972; *Dillon E. J. Russia Today & Yesterday.* London; Toronto, 1929; *Dillon E. J. Count Tolstoy's Faith and Practice // The Review of Reviews.* 1892. Vol. V. No 25. P. 35–37; *Dillon E. J. Count Tolstoy — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Causerie // The Review of Reviews.* 1892. Vol. V. No 28. P. 414–416.

10 *Диллон Э. Мое первое посещение Ясной Поляны // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 473–478.*

11 *Кунгурцева А. Ю. Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении // lit-yaz.ru. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (дата обращения: 09.07.2020).*

Однако жизнь Эмилия Диллона не ограничивалась его научной и журналистской деятельностью, но была также насыщена событиями международной политики, о чем практически нет исследований. Диллон, чрезвычайно смелый журналист и человек, никогда не сидел на месте. Во время армянской резни 1890-х гг. в Турции он предпринял опасное путешествие в Армению и Курдистан и установил виновность в погроме турецких солдат и турецкого правительства.

Он стал по указанию английского правительства свидетелем и летописцем одного из острейших политических событий конца XIX — начала XX в. — все еще неразрешенного критского вопроса. Греческое государство, созданное в результате войны за независимость 1821–1829 гг. при поддержке великих европейских держав-покровительниц — Англии, России и Франции, оставило за своими границами значительные греческие земли, в том числе остров Крит, издавна населенный греками и по праву считавшийся частью эллинистического мира. Критские восстания, целью которых было присоединение острова к греческому королевству, происходили в XIX в. почти каждые десять лет. В конце XIX в. вспыхнуло очередное критское восстание, вызвавшее греко-турецкую войну и оккупацию острова великими державами, стремившимися не допустить возникновения большой европейской войны. Бурные события на Крите (блокада критского побережья, спасение православного населения от турецкой резни, высадка и оккупация острова военно-морскими силами четырех европейских держав в 1897 г. — Великобритании, Италии, России и Франции, начало многолетней миротворческой операции 1897–1909 гг. и многое другое) описаны в трудах российских и зарубежных историков¹². В результате присутствия крупного контингента войск на «Великом острове Средиземноморья» и флотов европейских держав в критских водах Турции пришлось в 1897 г. вывести войска с острова, признать автономию, дарованную Криту четырьмя державами-покровительницами, а также смирить-

12 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4; *Μουρέλος Ι. Δ.* Ιστορία της Κρητης. Τ. Ι–3. Ιρακλιον, 1950; *Ιστορία του Ελληνικου Έθνους*. Αθήνα, 1980. Τ. ΙΓ (13); *Psomiades H. J.* The Eastern Question: The Last Phase. Thessaloniki, 1968; *Jelavich B., Jelavich J.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Washington, D.C., 1980; *Κοφός Ο.* Ελληνισμος στην περίοδο 1869–1881. Αθήνα, 1984; *Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006; и др.

ся с назначением верховным комиссаром четырех держав на Крите греческого принца Георга.

Занимаясь историей русского присутствия на Крите, мне посчастливилось найти личный архив Э. Диллона, хранящийся среди прочих личных архивов в библиотеке частного университета в Стэнфорде (Калифорния), а затем, после непродолжительной переписки, получить уникальные материалы¹³.

В ходе работы над материалами личного фонда Эмилия Диллона пришло понимание настоящего масштаба этой личности, хотя, по понятным причинам, меня интересовали его критские материалы. Приведу лишь архивное описание содержания одной из десятков коробок с его материалами под номером 7, с датировкой 2 августа 1896 г. — 24 января 1901 г. В ней собраны телеграммы от разных лиц, письма к Диллону, черновики и газетные вырезки множества статей Диллона для греческих и английских газет, различные заметки по истории Греции и Крита, т. е. подготовительный материал для публикаций в прессе. Среди имен: сам Э. Диллон, его коллега Натаниэль Беннет, идеолог и руководитель критского восстания и будущий премьер Греции Элефтериос Венизелос, турецкий султан Эдем-паша, капитан Негрепонте, принц Константин Греческий, ставший в 1897 г. верховным комиссаром великих держав на Крите, эллинофил Джон Геннадиус, руководитель критских повстанцев полковник Т. Вассос¹⁴, русский контр-адмирал Д. Г. фон-Фелькерзам, командир эскадренного броненосца «Император Николай I» (тогда еще капитан I ранга. — *О. С.*), находившегося на Крите в составе международной эскадры, и многие другие. Материалы на английском, французском,

13 Приношу свою благодарность руководству библиотеки за разрешение пользоваться архивом и за помощь в копировании и отправке всех отобранных мною материалов. Финансовые издержки взял на себя американец русского происхождения, коллекционер и ученый Александр Махов. Хорошее дело всегда притягивает хороших людей. После опубликования в Греции моей статьи о миротворческой миссии великих европейских держав на Крите в 1897–1909 гг. А. Махов прислал мне копии уникальных открыток, изданных русскими войсками на Крите, которые украсили обложку моей первой монографии по Криту (*Соколовская О. В. Россия на Крите...*).

14 Вассос Тимолеон (1836–1929) — полковник, затем генерал-лейтенант греческой армии. Вместе с сыном Андреасом Вассосом участвовал в высадке греческих войск на Крите в помощь инсургентам весной 1897 г.

немецком, греческом, турецком и русском языках, которыми прекрасно владел Диллон.

Документы свидетельствуют, что Э. Диллон не только информировал правительства великих держав о происходящем в эти годы в Греции и на Крите, но был связующим звеном между ними и правительством Греции, греческой королевской семьей, послами великих держав в Турции и Греции, капитанами судов, находящихся в критских водах, а также выполнял поручения ключевых участников критских событий.

Особый интерес для меня, безусловно, представляли папки из коробки № 4 с делами от 4-го по 27-е, озаглавленные «Критская война 1897 г.» и датированные 16 марта 1897 г. — 23 июня 1914 г. Каждая папка содержала значительный объем документов, вырезок, газет и даже книжек¹⁵. Это помогло собрать уникальный материал, посвященный восстанию на Крите, а также роли английских корреспондентов в нем.

Зимой 1897 г. в связи с усилением восстания на Крите на остров прибыли на кораблях великих держав лучшие представители европейской прессы — известные и весьма опытные корреспонденты. Так, к прибытию на Крит 45-летний Э. Диллон считался самым известным специальным корреспондентом ведущей лондонской газеты *The Daily Telegraph*, журнала *Contemporary Review* и других.

Эмилий Диллон оказался в компании еще двух выдающихся англичан: военного корреспондента *The Times* сэра Эрнеста Натаниэля Беннетта (1865–1947), будущего британского академика, политика, исследователя и писателя, который был на 11 лет моложе Диллона; а также одного из лучших английских художников-иллюстраторов конца Викторианской эпохи, военного корреспондента Мэлтона Приора (1845–1910), по чьим рисункам, публиковавшимся в журнале «Иллюстрированные лондонские новости», английская публика знала в лицо всех действующих лиц критской эпопеи. Можно назвать их пребывание на Крите секретной миссией, которую доверило им английское правительство. В обязанности Диллона и Беннета входил сбор информации в противоборствующих группировках на Крите (т. е., с одной стороны, среди восставших христиан и пришедших к ним на помощь греческих войск во главе с полковником Т. Вассосом, которые высадились с разрешения греческого короля Георга I на острове вес-

15 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 19. P. 2.

ной 1897 г., а с другой стороны, среди критских мусульман и турецких войск). Оба журналиста являлись также агентами адмиралов четырех держав-покровительниц, выполнявшими деликатные поручения, осуществляли связь между военными, дипломатами и политиками Крита, Греции и великих держав. Сам Беннетт позже открыто признавался, что выполнял задания британского генерального консула на Крите Альфреда Биллиотти и адмиралов великих европейских держав. При этом, как свидетельствуют документы — дневники, черновики сообщений и статьи Диллона и Беннетта, которые хранятся в Стэнфордском университете, — они лично сочувствовали разным группировкам и религиозным общинам, воюющим на Крите. Видимо, в этом также изначально заключался глубокий смысл.

Беннетт еще не раз возвращался на Крит и окончательно уехал только в конце 1898 г., когда остров покинули сначала греческие, а позже турецкие войска. В статье «Среди критских инсургентов» он с возмущением описывал события марта 1898 г., когда весь турецкий гарнизон из Ретимно отплыл с Крита, а инсургенты спускались с гор и обстреливали отходящие силы. Это было повторением кошмара, пережитого мирным турецким населением Крита в начале 1897 г. Оказавшиеся в окружении инсургентов и прибывших на остров греческих добровольцев в деревне Конданос, турки смогли добраться до набережной в Селино для эвакуации с острова только благодаря действиям международного отряда, который оттеснил инсургентов и помог посадке на суда. И даже после этого, как писал Беннетт, инсургенты стремились преследовать и грабить несчастных беженцев¹⁶.

Доброжелательное отношение, искреннее сочувствие, которые испытывал Беннетт к туркам, будут иметь продолжение: он станет турецким спецкором *The Manchester Guardian*, подружится с выдающимся реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком и напишет замечательную книгу о Турции, которая будет лежать на тумбочке возле умирающего Ататюрка в 1938 г.

В многочисленных статьях Э. Диллона, хранящихся в отпечатках или в черновиках в архиве Университета в Стенфорде, таких как «Судьба Греции» 1897 г., очерки о Крите, «Греция и Крит» и др., написанных непосредственно на острове, наоборот, сильно чувствуются традиции эллинофильства, заложенные еще во времена Байрона, которые сохранялись и на рубеже веков: английская пресса всегда бурно выражала свою поддержку восставшим христианам на Крите

16 Ibid.

и стала исподволь приводить читателя к мысли о конце турецкого владычества на острове. Э. Диллон был признанным в Греции и в Европе эллинофилом. Его корреспонденции и сообщения с острова демонстрировали сочувствие греческому христианскому населению. Первые же корреспонденции Диллона, например его «Эпизоды критской жизни», датированные 8 марта 1897 г., опубликованные в *The Daily Telegraph* (16 марта 1897 г.), произвели сенсацию и способствовали активизации европейской политики по умиротворению пылающего острова.

Следует отметить чрезвычайную смелость Э. Диллона, Н. Бэннета и М. Приора, которые не сидели в относительно спокойной столице Крита Кане (Ханье), а постоянно путешествовали по гористому острову. Путешествия были опасными, и во время этих прогулок они могли легко попасть под пули инсургентов или турок. Приор славился тем, что мог в гуще военных событий зарисовать их с необычайной точностью и скоростью. Затем его наброски обрабатывались профессиональными рисовальщиками для журнала.

Хочется привести несколько эпизодов из жизни Крита, написанных Диллоном и почерпнутых мною в личном фонде архива Стэнфордского университета. Заметки частично использованы в моей второй монографии по Криту¹⁷ и являются характерными для образа мыслей и стиля письма Диллона.

«Вчера было воскресенье, — писал Диллон, — и оно было омрачено на Крите сражением [...]. В местечке, названном Малакса, находящемся на расстоянии часа ходьбы от Канеи, мусульмане занимали крупное здание, называемое блокгаузом, в то время как христиане намного свободнее расположились в различных пунктах вокруг него. Христиане, за неимением артиллерии, не могли быстро вытеснить мусульман и вынуждены были открывать огонь по любой голове в тюрбане, которая показывалась из-за здания. Ситуация не менялась в течение нескольких недель, но провизия у оборонявшихся сокращалась [...]. Они привыкли жить малым, но не были мастерами жить вообще без всего. Если бы был найден выход и возможность пополнить свои запасы, они бы держались; но их вездесущий противник был невидим; а его присутствие обнаруживалось лишь теми разрушени-

¹⁷ Соколовская О. В. Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: К 100-летию присоединения Крита к Греции. М., 2013.

ями, которые происходили вокруг»¹⁸. Диллон отмечал, что «какие бы недостатки критяне ни имели, они храбры и тверды — неважно, христиане или мусульмане»¹⁹. Христиане-инсургенты, которые располагались на высотах вокруг деревни Малакса, по его мнению, были людьми именно такого типа. «Они спали на открытом воздухе, темно-синее море плескалось у их ног внизу, а сверху нависали горы с заснеженными вершинами. Их укрытием служили то стволы оливы, то валуны или разрытая земля, остатки старинных каменных стен, т. е. все, что только можно было себе придумать». «И так они ждали день за днем, — продолжал Диллон, — направив свой острый взгляд, чтобы поймать тень неосторожного турка и приготовиться выстрелить в эту еле различимую мишень». Мусульмане, которые оказались зажатыми в Малаксе, умудрились все же сообщить о своем бедственном положении друзьям и сородичам в Кане, и последние решили доставить им провизию, что было нелегко осуществить. Вокруг были рассередоточены христиане-стрелки, а что еще хуже, нужно было пройти через три маленьких христианских деревни внизу, расположенных возле Кане. «Белые домики этих деревушек красиво контрастировали с ярко-зелеными цветущими оливковыми посадками, — писал Диллон. — Зоркие глаза должны были видеть, а чуткий слух улавливать слабые звуки приближения мусульман, идущих на поддержку сородичей». Риск был велик, «600 стойких мусульман, включая солдат регулярных войск и жаждущих христианской крови добровольцев, вышли темной ночью из Кане и направились в Малаксу. Через некоторое время они без всяких помех доставили мешки с мукой, сухарями и другими жизненно важными продуктами страдающим друзьям, лица которых теперь сияли [...]. Теперь мусульманам можно было продержаться еще недели две, ожидая, что удача окажется на их стороне. [...] Уже совсем рассвело, когда посланники, как триумфаторы, окрыленные удачей проведенной рискованной операции, вооруженные до зубов, с развернутыми флагами и баннерами, отправились в обратный путь». «Это были одни из тех сладких минут южного приморского утра, когда все расцветает нежнейшими красками весны, а морской прибой ласково шумит и переливается оттенками голубого [...], — писал поэтично Диллон. — Всего-то каких-

18 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 1. Черновики статей Э. Диллона для The Daily Telegraph за 1897 г.

19 Ibid. P. 2.

нибудь 15 минут пути на север и уже видны [...] минареты, хорошо охраняемые турецкими войсками гарнизоны, а также лежащие в руинах улицы Канеи. На высотах к востоку располагались два вражеских для турок лагеря; они были хорошо видны и различимы благодаря греческим флагам — это были христиане, находившиеся в монастыре в деревне Элиас. Орудия с военных кораблей пытались снести греческие флаги, провоцировавшие османов. Но турецкий гарнизон, находившийся поблизости, молчал, потому что все были мертвы». И далее: «По звукам стрельбы невозможно было сказать, чья брала [...]. В численном отношении турки превосходили греков вдвое, кроме того, пришедшие из Канеи, где не существовало проблем с провизией, находились в лучшей форме. Если бы им позволили сойтись в открытом бою — они были бы счастливы. Но не имелось видимого противника, с кем следовало сражаться. Они с трудом различали что-либо или кого-либо, в то время как пули летели в них градом [...]. В конце концов потесненные мусульмане, числом около 120 человек, решили вернуться обратно в город, а по пути передохнуть в гарнизоне. Другая группа, продолжая стрелять на ходу, постепенно приближалась к христианской деревушке, неподалеку от которой находился и я. [...] После огненной вспышки из самого большого и самого белого дома христианской деревушки повалил серо-голубой дым, затем из другого дома и т.д.» «Это была мусульманская месть, — заключал автор статьи, — они ее жаждали в отношении невидимого врага на высотах гор, которого невозможно ни поймать, ни наказать. Поджог деревень присущ только мусульманам Крита. Два вероисповедания враждовали между собой, и это была настоящая война, на которой все средства хороши». Как только пожар разгорелся и красные языки пламени охватили крыши домов, а балки стали с грохотом падать на землю, отряд, подняв раненых, продолжил свое движение к городу. Картина была впечатляющая: «Длинные шеренги смуглых мужчин, напоминавших демонов, двигались вдоль иссушенной белой дороги в священном молчании. Суровые, бесчувственные, жестокие лица людей, с полным отсутствием обычных человеческих эмоций, людей, преступивших все границы дозволенного, имели выражение, сходное с дьявольским. Некоторые из мусульман потеряли свои тюрбаны и кое-как обвязали головы платками. У некоторых одежда была изорвана в клочья. Если бы не трагичность момента, вид этих людей показался бы даже комичным. Три героя, похожих на головорезов, шли, засунув сигареты за ухо, как заправские клерки прячут свои карандаши. Двое раненых ехали верхом на мулах. Картину дополня-

ло ужасное человекоподобное существо: обернутое в мокрые окровавленные тряпки, со спутанными волосами, дрожащими руками, бледное, с глазами, мутно смотрящими куда-то. Он вдруг замер и мне показалось, что он умер». На вопрос Диллона: «Этот человек мертв?» последовал спокойный ответ: «Аллаху виднее». «Бесчувственных, в промокших насквозь от крови одеждах, людей везли как туши убитого скота на рынок, — писал Диллон. — Одних раненых везли, других поддерживали под руки, а третьи брели сами, преодолевая боль. Кто-то стонал, кто-то молился, кто-то страдал молча, а кто-то проклинал громко врага. Но почти у всех спины и грудь были перетянуты широкими кожаными ремнями с патронташами, в которых даже оставались еще пули, не нашедшие христианскую мишень. Казалось, что все были даже воодушевлены, но держались, понятно, лишь на нечеловеческой ненависти к врагу». «Они казались настоящим божьим бичом, как и их враги, превратившие радостный плодородный остров в океан ужасных разрушений, — размышлял Е. Диллон. — Безжалостной рукой были срублены старые оливы, дома разрушены, поля и рощи уничтожены, источники воды засыпаны или отравлены. Свежий морской воздух теперь пропитался стойким запахом сгоревших кож животных и человеческих костей: это был апофеоз религиозной вражды. Ненависть, которая вдохновляла этих учеников “Бога мира”, поощрялась турецкими властями острова, приводила к смертям и разрушениям [...]». «Невозможно создать рай на земле, уничтожая ростки добра», — восклицал Диллон²⁰.

Восставшие христиане тем временем не приняли автономный статус и требовали союза с Грецией, подчиняясь теперь только высадившемуся на остров с греческими войсками полковнику Т. Вассосу, который обосновался со своим штабом в горах в деревне Аликиану. Адмиралы приняли решение послать для сбора информации о настроениях среди христиан, живущих в отдаленных районах, Диллона и Беннетта, которые путешествовали раздельно. А также они должны были раздать, по возможности, агитационный материал, подготовленный адмиралами.

Публицистическим результатом поездки Э. Диллона к инсургентам стала его статья в *The Daily Telegraph* от 27 марта 1897 г., которая называлась «Вместе с главарями инсургентов. Потрясающие приключения нашего специального корреспондента! “Союз с Грецией или смерть!”». Диллон писал: «Канея. Вечер. Пятница. Я только что

20 Ibid. P. 5.

завершил одну из самых интересных поездок в моей жизни, полную приключений, трудностей и незабываемых сцен, происходивших в дикой, горной стране, без дорог, мостов и полностью неприспособленной для человеческой жизни. Особое внимание было уделено взглядам критского населения на “автономию”, провозглашенную адмиралами 6 марта. Мне было поручено посетить провинции, раздать прокламации, собрать мнения людей и суммировать их взгляды»²¹.

Диллон получил пропуск во внутренние районы Крита и, одетый критским священником, который якобы в свое время присоединился к восставшим инсургентам в Акротири, приступил к выполнению задания. Как и все инсургенты, он теперь носил на плече винтовку и револьвер за поясом. Из лагеря повстанцев в Акротири Диллон с шестью компаньонами, включая Э. Венизелоса²², отправился в дальнее путешествие в горы. На другой берег Суда-бей их переправил русский паровой катер. «Через два часа мы все-таки высадились у подножия крутой горы в провинции Кидония, — писал Диллон. — Лил дождь, и, промокшие до нитки, мы поднялись по почти перпендикулярной дороге на гору с грузами за спиной, засыпая и спотыкаясь на каждом шагу и в постоянном напряжении, что могли быть убиты турками, которые находились в форте недалеко от нас. После нескольких часов ходьбы в таких условиях мы добрались до деревни Мегалокорафья, где не смогли найти даже сухую одежду. Вожди инсургентов послали за сторонниками в соседнюю деревню, и вскоре появилось множество разных людей, которым было предложено прочитать прокламации (их читали лидеры) и обсудить их. Некоторые зло отказывались, некоторые отходили прочь, но все были не согласны с автономией и восклицали: “У нас должен быть только союз с Грецией, или мы умрем с оружием в руках! Да здравствует король Георг!”»²³

«Руководители инсургентов, по нашем приближении, собрали митинг жителей и передали прокламации главе деревни, — писал Диллон. — Выстрелы недовольства были ответом, и все начали го-

21 Ibid. P. 6.

22 Венизелос Элефтериос (1864–1936) — выдающийся критский революционер и греческий политический деятель, после 1910 г. неоднократно был премьер-министром Греции.

23 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 7. Черновики статей Э. Диллона для The Daily Telegraph за 1897 г.

ворить одновременно. Толпа все увеличивалась. Некоторые сидели в стороне на мулах, но большинство стояло с оружием за плечами. Там были мэры, экс-мэры, нотабли и экс-депутаты из главного города Вамоса и из всех окружающих деревень провинции Апокорона. Среди них я заметил много священников, вооруженных так же, как и я. Большинство жителей соседних деревень принесли с собой греческие флаги, вызывавшие оглушительные приветствия. На крышах домов постоянно стояли люди, а ветки старой оливы были увешаны детьми. Старики в черном стояли под деревьями, спрятавшись от непогоды. Было около 3 тыс. человек, одетых во всевозможные одежды [...]. Большинство принадлежало к одному типу критских людей: красивые, бесстрашные, хорошо сложенные». «Мэр Вамоса сказал: “Мы объединены теперь с Грецией! Нам нравится быть под защитой ее войск. Нам нравятся законы и порядки во внутреннем Крите, и мы будем поддерживать их, если Европа оставит нас в покое. Мы отвергаем автономию и никогда не будем сотрудничать в ее установлении. Мы будем ей сопротивляться, пока не кончатся патроны. Вот наши взгляды и взгляды всех критян [...]”. Экс-депутат собрания Крита Паппадакис также произнес краткую речь: “Европа не понимает критский вопрос и поэтому находится на ложном пути. Мы знаем, чего мы хотим и почему. Наши причины носят не только сентиментальный характер, но и экономический тоже. Мы все хотим поддержать союз с Грецией любой ценой”. Его выступление получило громкую поддержку слушателей»²⁴. Диллон обратился к инсургентам с просьбой лично поговорить с людьми и задать им простой вопрос: хотели бы они принять автономию как шаг в сторону присоединения и почему, и когда они решили оказать сопротивление Европе. «Мой вопрос вызвал исключительное волнение [...], — отметил он. Один из лидеров инсургентов д-р Венизелос забрался на скалу и прочел громким голосом прокламацию адмиралов, объясняя значение автономии; он попросил высказаться людям. Затем написали ответ адмиралам и зачитали всем собравшимся. Дождь и ветер не испугали толпу: так важен был обсуждаемый вопрос. Переговоры сопровождалась канонадой из соседней деревни, на которую где-то отвечали, что свидетельствовало о начале новой битвы [...]. Но обсуждение продолжалось. Какой-то крестьянин сказал: “Мы теперь свободны при короле Георге, и нам ничего не надо более, но если Европа хочет снова завоевать нас, мы готовы умереть. Я

24 Ibid.

сам потерял моего дорогого сына в битве, и я встречу смерть, если христианская Европа хочет забрать мою жизнь. Но мы будем сопротивляться автономии до самого конца»²⁵.

«На следующее утро с гор спустилась еще группа вооруженных до зубов инсургентов — человек 100, и им тоже раздали копии прокламации адмиралов, — продолжал описание событий Диллон. — Старый человек, 75 лет, д-р Милоноянаки, бывший директор Банка Крита, взял слово: “Мы все хотим союза с матерью-Грецией. По этому пункту нет разногласий между нами. Европа может уничтожить нас, но не может изменить наших убеждений. Пока хоть один грек жив, мы будем говорить, как делаю сейчас я: союз или смерть!”²⁶

Диллон записал после посещения внутреннего Крита следующее: «Если критяне так упрямы, бесстрашны и фанатичны, то трудно себе представить, каким путем смогут адмиралы, генералы и дипломаты установить автономию против их воли»²⁷. По прибытии в Суду Э. Диллон доложил свои наблюдения адмиралам, которые уже после вспыхнувшей в мае 1897 г. греко-турецкой войны постепенно передали управление Критом экспедиционному корпусу четырех держав во главе с их верховным комиссаром принцем Георгом Греческим. В 1898 г. под нажимом великих держав турецкие войска покинули Крит, а инсургенты, сначала организовав революцию 1905–1906 гг. и потребовав немедленного присоединения острова к Греции, в конце концов поняли всю нереальность такого быстрого решения критского вопроса, существовавшего на протяжении всего XIX в., смирились с действиями и намерениями великих держав-покровительниц — Англии, России, Франции и Италии — и сложили оружие.

Окончательно остров Крит был присоединен к Греции в 1913 г. в результате победоносных для греков двух Балканских войн 1912–1913 гг. Эмилий Диллон был также свидетелем и летописцем Балканских войн, находясь все это время в разных точках военных действий. В архиве библиотеки Стэнфордского университета имеется обширный материал об этом и других интереснейших отрезках жизни и аспектах деятельности Э. Диллона. Материалы ждут своих исследователей.

25 Ibid. P. 8.

26 Ibid.

27 Ibid.

Источники и литература

- Витте С. Ю.* Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 639 с.
- Всеобщая история литературы: В 4 т. / под ред. В. Ф. Корша, А. Кирпичникова. СПб.: К. Риккер, 1880–1892.
- Диллон Э.* Дуализм в Авесте. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1881. 247 с.
- Диллон Э.* Мое первое посещение Ясной Поляны // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 473–478.
- Кунгурцева А. Ю.* Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении // lit-yaz.ru. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (дата обращения: 09.07.2020).
- Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: К 100-летию присоединения Крита к Греции. М.: Исл РАН, 2013. 410 с.
- Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006. 148 с.
- С. Т.* Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 г. // Известия МИД. 1913. Кн. 4. С. 196–218.
- Dillon E. J.* Count Leo Tolstoy. A New Portrait. New York: Haskell House, 1972. 286 p.
- Dillon E. J.* Count Tolstoi — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Causerie // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 28. P. 414–416.
- Dillon E. J.* Count Tolstoi's Faith and Practice // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 25. P. 35–37.
- Dillon E. J.* Russia Today & Yesterday. London; Toronto: Dent, 1929. 338 p.
- Jelavich B., Jelavich J.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Washington, D. C.: University of Washington Press, 1980. 374 p.
- Psomiades H. J.* The Eastern Question: The Last Phase. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1968. 145 p.
- Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1980. Τ. ΙΓ(13). σσ. 471.
- Κωφός Ε.* Ο ελληνισμός στην περίοδο 1869–1881. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1981. σσ. 197.
- Μουρέλος Ι. Δ.* Ιστορία της Κρήτης. Ηράκλειον: Τυπογραφείον “Ελευθέρας Σκέψεως”, 1950. Τ. Ι–3.
- Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

References

- Vitte, S. Iu. *Vospominaniia*. Moscow: Sotsekgiz, 1960, vol. 2, 639 p.
- Vseobshchaia istoriia literatury*: V 4 t. Eds. V. F. Korsh, A. Kirpichnikov. Saint Petersburg: K. Rikker, 1880–1892.
- Dillon, E. *Dualizm v Aveste*. Saint Petersburg: Tip. V. F. Demakova, 1881, 247 p.
- Dillon, E. “Moe pervoe poseshchenie Iasnoi Poliany”. *L. N. Tolstoi v vospominaniakh sovremennikov*: V 2 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978, vol. 1, p. 473–478.
- Kungurtseva, A. Iu. “L. N. Tolstoi v sovremennom angliiskom i amerikanskom literaturovedenii”. *lit-yaz.ru*. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (accessed: 09.07.2020).
- Sokolovskaia, O. V. *Velikii ostrov Sredizemnomor'ia, Gretsii i mirotvorcheskaia Evropa. 1897–1909 gg.: K 100-letiiu prisoedineniia Krita k Gretsii*. Moscow: ISl RAN, 2013, 410 p.
- Sokolovskaia, O. V. *Rossii na Krite. Iz istorii pervoi mirotvorcheskoi operatsii XX veka*. Moscow: Indrik, 2006, 148 p.
- S. T. “Khronika diplomaticheskoi istorii Krita s 1896 po 1913 g.” *Izvestiia MID*, 1913, book 4, p. 196–218.
- Dillon, E. J. *Count Leo Tolstoy. A New Portrait*. New York: Haskell House, 1972, 286 p.
- Dillon, E. J. “Count Tolstoi — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Casuerie”. *The Review of Reviews*, 1892, vol. V, no 28, p. 414–416.
- Dillon, E. J. “Count Tolstoi’s Faith and Practice”. *The Review of Reviews*, 1892, vol. V, no 25, p. 35–37.
- Dillon, E. J. *Russia Today & Yesterday*. London; Toronto: Dent, 1929, 338 p.
- Jelavich, B., Jelavich, J. *The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920*. Washington, D. C.: University of Washington Press, 1980, 374 p.
- Psomiades, H. J. *The Eastern Question: The Last Phase*. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1968, 145 p.
- Istoria toy Ellhnikoy 'Ethnoys*. Athēna: Ekdotikē Athhnōn, 1980. T. I'G(13), 471 p.
- Kwfos, E. *O ellhnismos sthn periodo 1869–1881*. Athēna: Ekdotikē Athhnōn, 1981, 197 p.
- Moyrelos, I. D. *Istoria ths Krēths*. Hrakleion: Typografeion “Eleytheras Skepsews”, 1950, vol. I–3.
- Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

Olga V. Sokolovskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Emile Dillon, an English-Russian researcher, and his archive in the USA

This article is devoted to individual episodes of the life of Emile Dillon, unique in his talents and versatile of activity. He was an Englishman who lived in Russia for many years and considered it his second homeland. Dillon was an orientalist, polyglot, journalist, writer, who always found himself at the most interesting moment in many of the world's hotspots at the turn of the 19th and 20th centuries, receiving the title of academic at the end of his life in the UK. He was the first English translator for “Kreutzer Sonata” by L. N. Tolstoy, with whom he was in friendly relations. Having come to Russia in 1877, he left it only in 1917. Educated in France, Germany, and Russia, he became a unique man whose talents were successfully used by the intelligence of many countries. The period of teaching at Kharkov University was brief and after receiving the position of a St. Petersburg correspondent for “The Daily Telegraph”, the best English newspaper of the time, his bright career as a journalist started. He carried out the most incredible errands of English, Russian and possibly other governments and government officials. It is no coincidence that S. Yu. Witte called him a faithful man and “the first among the publicists of his time”. The findings in the archives of the Stanford University Library revealed his secret mission to the rebellious Crete in 1897, where he, along with two other war correspondents from England, carried out the assignments of the commanders of the international squadron of the four patron states of Greece — England, Russia, France and Italy (the latter occupied the island). His correspondence and notes give a unique picture of the relationship on the island of two irreconcilable parties — the insurgents (Christians) and the Muslims. The Dillon Archive in the United States is rich in other materials that may be of interest to slavists.

Keywords: *E. Dillon, study and teaching in Russia, a correspondent of “The Daily Telegraph”, the Crete uprising in 1897, Dillon’s mission to Crete, personal archives in the United States.*